

Моек. Комсомолке. - 1997 - 26 апр. - с. 2.

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Сорвать бороду, уйти к черту

— Евгений Алексеевич, а это чистая правда, что перед спектаклем "Идиот" вы принимали "лекарство" — 200 граммов отборного коньяка?

— Целых поллитра принимал. Бутылку коньяка за спектакль выпивал, а 200 граммов — это только для начала. Мой метод работы никогда не включал в себя выпивку для возбуждения и разогрева. А здесь... Работая над ролью Рогожина, я был настолько зажат, что один профессор мне посоветовал принимать перед выходом на сцену 100 граммов. Первый раз выпил — перепугался. Вышел и думаю: сейчас сорву бороду, к чертам уйду. А потом думаю — не пропадать же моей работе: ведь я всего Достоевского изучил, я письма его читал, докапывался — откуда этот самый Рогожин взялся?

— Коньяк-то помог?

— Это вопрос хороший. Если бы у меня не было накоплений по Достоевскому, то никакой бы коньяк не помог. Был бы пьяный Лебедев, да и все. Такая же история у меня была с пением. Раньше я пел, только когда выпивал. А в трезвом виде я боялся. Нет, это не зажим. Как сказать: вроде неудобно, стыдно петь на людях. Пение — это как поцелуй. Помню, шел с девушкой и все время про себя думал: "Вот до того квартала дойдем, я ее поцелую". И не поцеловал. И влюбленность была, а все равно не смог. А когда ты не влюблен, все легко: уложил в койку, и готово. Только удовольствия никакого.

— Но больше всего меня потряс ваш совет артистам: не слушаться режиссеров, а слушать себя. Хороши "вредные советы" от Лебедева!

— Во-первых... Это долго объяснять. Главное — в артисте. Но режиссер должен его заразить и подтолкнуть его воображение. Во-вторых, хоть возьмите моего Бессеменова (спектакль "Мещане", БДТ. — М. Р.). Он у меня родился еще до того, как мы начали репетировать спектакль. Сначала у меня родилась тема. О чем? Нужно защищать таких людей, как Бессеменов, которых неоправданно обвиняют в том, что они делают зло. Как, к примеру, старых большевиков. Ведь Бессеменов что делал: детей растил — своих и чужих, образование им давал, дом построил. Это плохо? Дело в том, что каждая система находит своих врагов. Значит, система плохая. Не должно быть врагов. Это я, может быть, разболтанно говорю, но вся система очень хорошо описана в Евангелии. Например, 10 заповедей. Когда люди свои законы устраивали — законов оказалось 300 или 400. А заповедей всего 10. Но человек почему-то с ними не согласен. Почему? Их очень трудно выполнять.

Я считаю: например, если бы мне дали роль Гамлета...

— Гамлета? Вам? А что, может быть вполне интересно: пожилой Гамлет, принц Датский, на старости лет.

— Если бы я слушал всех и прочитал все, что написано о Гамлете, я бы не сыграл его. И меня бы не было, потому что о нем написали те, кто его уже сыграл. А я буду Гамлета своего делать, как понимаю его сейчас, — с крыши нашего времени, что ли. Но крыша-то у меня своя. А возьми короля Лира. Для меня он не такой, как все говорят: "Великий Лир, благородный Лир!" Все это ложь!!! Он сам создал такое государство, в котором — ложь, лесть и обман, а правда никому не нужна.

— Что — не могу не согласиться — очень актуально.

"Не могу" — приказано забыть

— Ну и характер у вас, Евгений Алексеевич... Жесткий — только "хозяев жизни" играть.

— Я не жесткий. Я выносливый. Вот это могу сказать. Терпеливый. Волевой. Но в работе — я другой. У меня конфликты с режиссерами, и многие из них боятся со мной работать. Я, например, Марка Розовского очень высоко ценю за его идеи. Но как режиссер он их воплощает неправильно.

— А вы часто идете на конфликт с режиссером, если он не соответствует вашим требованиям?

— Я не то что требую... Бывает такой режиссер, что хочется ему сказать: "Ты лучше играй сам". Был в моей жизни Товстоногов (Георгий Товстоногов — главный режиссер Ленинградского Большого драматического театра с 1956 — 1989 гг. М. Р.), и был у меня Шукшин Василий Макарович. Да, я ругался с ними. Но в работе нельзя быть рабами и подчиненными.

— Боюсь, Евгений Алексеевич, что многие мэтры не разделят вашего мнения на сей счет. Скажите, а вам мешало или помогало то, что Товстоногов был вашим родственником, кажется, деверем — братом вашей жены Нателлы?

— Мешало. Он жестче ко мне относился, чем к другим артистам, чтобы не показать родственных отношений, будто он мне послуха дает. На это у меня и у него один взгляд: я, например, сына своего в театр не тащу.

— Вам 80. Сколько в день вы работаете?

— Сколько угодно. Работаю здесь, в санатории. Лечусь здесь и работаю. Вечером еду на спектакль. В месяц по 10—12 спектаклей бывает.

А после спектакля я могу лепить или дерево резать. Рисую во время спектакля.

— Есть ли то, чего не может сделать артист Лебедев? Не под силу ему?

— Первое, чему меня учили: слово "Не могу" — надо забыть. Человек может все. И если вы будете читать Библию, там тоже это сказано. Если человек будет следовать заповедям, он может сдвинуть горы. В человеке — такая огромная сила, такая сила!!!

— А вы заводной.

— Да, я заводной! И когда я говорю, у меня возникает параллельно много слов и мыслей. В этом смысле я не могу протянуть логическую линию. Я понятно говорю-то?..

Прощай, лихорадка, прыщавая юность!

— Жизнь — все-таки интересная штука. Передо мной 80-летний человек — живой, сильный, полный энергии. И очень трудно поверить, что в 18 лет он подыхал под забормом...

— Я сам не могу представить, что мне 80. В 17 лет у меня было по 28 фурункулов — на спине, на животе, здесь, здесь... Фурункулез был. И малярия меня трепала через день. Еду, бывало, в трамвае — и вдруг начинает бить такой озноб, что я сознание терял. Мало того: я в Москве на улице жил. Садовое кольцо, почта, телеграф — все подъезды знал, все будки трамвайные. Зимой забирался спать под сцену Театра Армии. Дома у меня не было. И места в общежитии театрального техникума — не было.

— Бездомность — это самое страшное воспоминание?

— Да нет. Сейчас я даже думаю, что это какая-то неправда. И не со мной было. А с другой стороны — такая правда, которая мне дала возможность в моей профессии использовать все испытанное на самом себе.

ЧЕЛОВЕК СО СВОЕЙ КРЫШЕЙ

Он — из запойных. Причем всегда был им — и в 30, и в 40, и в 50 лет. Даже когда перевалило за 80, он то и дело принимается за старое. Утром, вечером, даже ночью он думает только о том, как, каким образом, что бы еще, да побольше:

В бывшем цеховском санатории под Петербургом передо мной сидел человек с диагнозом "законченный трудовоголик". Я-то как раз уверена в том, что если бы не запойная жизнь трудовоголика, развившая талант, он никогда бы не стал грандиозным артистом Лебедевым, класс которого можно определить как космический. 80-летний актер, из семьи священнослужителей, не так давно написал книгу "Испытание памятью", которая поражает прежде всего обезоруживающей откровенностью автора.

Я запомнил на всю жизнь фабрику "Красный Октябрь" и мастера Зайцева, который при царе работал, а потом передал большевистской власти старинные рецепты кондитерские. Он взял меня, дохлого, на работу. А поскольку я из-за малярии биолетел, он решил, что я симулянт. И тогда в наказание поставил меня на обжарку бобов. Я полдня проработал — и очнулся в медпункте. Оказывается, жаром от печей из меня вышибло малярию. Клин клином... Я благодарен фабрике. Мало того что они меня вылечили — они меня обули, одели, накормили. Я, может быть, впервые по-человечески поел: какао, масло, шоколад. Окреп я. Если бы не фабрика, не знаю: что б со мною было? и попал бы я в театр? Да еще в какой — в Камерный, к Таирову!

— Я где-то слышала, что все артисты этого театра при встрече с Алисой Коонен (великая трагическая актриса) обязаны были целовать ей руку. Это верно или легенда?

— Ну... Не то что бы каждый... Но проводить ее по лестнице — считалось правилом. Я помню: однажды шел с селедками и встретил ее. От растерянности спросил: "Хотите селедки?" А она была такая актриса, каких сейчас нет...

Для меня, например, были актеры, к которым я боялся подходить. Я боготворил их. И когда, помню, с одним артистом попал в компанию и мы вместе напились пьяные, я на следующий день не знал, как мне пойти в театр. Как я его встречу? Что скажу? Мы с ним вроде пили, обнимались, целовались, но... это какое-то разделение было: вот это человек умеет, а я — нет. Я все равно, как щенок, которому сыска нужна, за сухой ходил. Великие артисты были — Москвин, Тарханов, Хмелев, Качалов. Сейчас нет таких.

— Ну, с моей точки зрения, — есть, можно сказать, рядом...

— Нас на курсе было 29 человек, а закончили — 13! А проработали в театре только двое!!! Вот отбор какой был! Не то что сейчас. Мейерхольд очень правильно сказал: "Чтобы учиться на актера, возьмите книгу. Запишите ее название — "Жизнь!"

— Эта жизнь, если следовать вашей книге, научила вас не "верить в дружбу".

— Я перестал верить в дружбу после того, как меня предал единственный друг, с которым мы вместе голодали. У нас с ним на двоих одни брюки были. Он сидел дома — я его кормил. Я сидел — он меня. Позже он стал работать в армейском ансамбле песни и пляски. Я встретил его в Доме армии. Бросился навстречу: "Сашка!" — "Я занят", — сказал он мне важно.

И... Мир рухнул. У меня были друзья. Они всегда подводили — самые близкие, самые дорогие. И Товстоногова тоже.

Смерть, пошла к черту!

— Когда у вас несколько лет назад случился инсульт, был ли страх, что вы никогда не вернетесь в профессию?

— Только здешние врачи знают, в каком я был тогда состоянии. Не работали рука, нога и язык. Но я ходил все время. Трудно было, но хо-

лает, какова точность определения поступков? В театральный институт я больше не пошел. Я понял, что должен буду отдать всего себя студентам, отгородить и от того, что они делают. А делают — вернее, их научили делать — только штампы.

Молитва ночи

— Евгений Алексеевич, если вы не верите в дружбу, то во что верите?

— В себя. И надеюсь я сам на себя и на свои силы. Верю в то, что... Я могу сказать как верующий человек, что очень много мне отец дал. И я все молитвы от него помню. Для меня самыми близкими, самыми дорогими оставались отец и мать. На них я и опирался всю жизнь. Молитился я через них.

— Когда было плохо и приходилось скрывать, что вы — сын священника?

— Я все время с Богом. Я молюсь по-своему, пою молитвы. Ночью недавно меня разбудила молитва: "Отче наш! Да святится имя твое, да придет твое Царство. Да будет воля твоя, как на небесах, так и на Земле. Хлеб наш насущный дай и оставь нам долги наши, как и мы оставляем детей наших. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого". Вот так ведь не молятся, а мне во сне явились эти слова, я даже проснулся.

— А в церковь ходите?

— Хожу. В Спасо-Преображенскую церковь, а до этого в Академию ходил. И за границей во все храмы хожу, так как считаю, что Бог один.

— Ваш грех, который вы не можете себе простить?

— Мой грех по жизни один: я был не так внимателен к своим брату и сестре. Я как старший обязан был их хранить и опекать. Я помогал чем мог. Я сестру свою родную в детский дом устроил. А забрать-то не забрал ее. Это же самые близкие люди по крови, хотя в Писании сказано: "Оставь отца и мать свою и прилепись к жене своей, потому что это плоть единая наша". Это я к тому говорю, что, преодолевая трудности в жизни, ты умнееешь и здоровееешь. Потому что этот труд выковывает в тебе человека.

А то, что в 49-м году, когда власть устроила травлю Таирова, вы к нему не подошли, испугались, — грех?

— Да. Да как же я мог тогда подойти? Мучился, страдал, но... Совесть у меня есть...

Прилепись к жене своей

— Ваша жена — из старинного грузинского рода. Как простому русскому парню удалось покорить восточную красавицу?

— У Нателлы характер очень сильный. Но я ее не покорял. Когда я приехал в Тбилиси, мне было 22 года, а ей — 11. Мне это и в голову не приходило, что она будет моей женой. Я с матерью ее очень дружил: я — курильщик, она — курильщица, а Нателла... бегала девчонка девчонкой. Но в 16 лет, когда она пришла к нам в театр, — красавица в платье таком с блестящими...

— И тут...

— Нет, не тут. Я был скван по рукам и ногам прежними отношениями. Мы поженились позже, когда Нателла училась в Москве, а я работал уже в Ленинграде. Она болела, бедняжка, и я ее лечил от ангины. Ну, и долечил.

— Ну да, лучшее средство от ангины — это любовь. Не правда ли?

— Хорошая любовь была. Да не знаю я — романтическая или трагичная. Не задумывался. Была. И есть. А что такое любовь? Вы знаете?..

Марина РАЙКИНА.

